

Геройский порыв Лу Цунбая продлился всего пару секунд. Стоило ему ощутить исходящий от Янь Шаня влажный жар после душа, как парня пробрало, словно током, и он инстинктивно захотел отстраниться.

Янь Шань в панике заголосил, мертвой хваткой вцепившись в руку Лу Цунбая:

— Брат! Только не отпускай, я же рухну!

Лу Цунбай взял себя в руки. Сжав правую ладонь в кулак, он уперся им в позвоночник Янь Шаня, поддерживая его.

— Ногу подними. Встань ровно.

Янь Шань, выпрямившись с его помощью, замер в позе золотого петуха на одной ноге, а затем сделал пару неуклюжих прыжков вперед.

Лу Цунбай мельком взглянул на его травмированную ногу, но затем предательски скользнул ниже. Увидев полоску ослепительно белой кожи, он тут же, словно ошпаренный, отвернулся.

—... Ты на что там уставился? — подозрительно спросил Янь Шань.

Лу Цунбай замер, чувствуя, как неловкость сковывает его. Ему хотелось сжаться в комок и исчезнуть. Уставившись в одну точку на полу, он одеревенело буркнул:

— Ни на что я не смотрел.

— Тьфу, раз не смотрел, чего тогда из себя невинность строишь?

Оба ведь парни, от одного взгляда кусок плоти не отвалится.

Смущение Янь Шаня было мимолетным. Он быстро пришел в себя и, продолжая скакать на одной ноге, прикрикнул на Лу Цунбая:

— Давай, подсоби, у меня тапки слишком скользкие!

Лу Цунбай довел его до комнаты и усадил на кровать.

Янь Шаню нужно было надеть штаны, и он всю гонял соседа: то принеси маленькую скамеечку для ноги, то расправь штанину пошире, чтобы гипс пролез.

Вытянув ногу, Янь Шань не умолкал ни на секунду:

— Ой-ой, осторожнее! К этой ноге вообще прикасаться нельзя, понял?

Лу Цунбай хранил молчание. Покорно обслужив «господина» до победного конца, он спросил:

— Что-нибудь еще нужно?

Янь Шань махнул рукой:

— Спасибо, выручил. Дальше я сам.

Лу Цунбай молча вышел и вежливо прикрыл за собой дверь.

Янь Шань смотрел ему в спину, пока тот не скрылся в коридоре, а затем озадаченно пробормотал:

— И чего это он сегодня такой покладистый?

Ни единого слова ворчания. В обычное время Лу Цунбай уже вовсю метал бы в него словесные стрелы. Неужели это всё из-за травмы?

«Хм. А он, оказывается, добрый малый».

Вернувшись к себе, Лу Цунбай никак не мог обрести покой.

Он включил компьютер, собираясь пару часов постримить перед сном, но, просидев за столом добрую вечность, обнаружил, что всё это время жал на клавишу удаления рядом с кнопкой питания. Монитор так и остался черным.

Лу Цунбай: «...»

Вздохнув, он взял вещи и отправился в душ.

Когда он снова вышел в коридор, свет в комнате Янь Шаня уже не горел, однако из-под щели в двери пробивалось тусклое сияние экрана. Этот придурок наверняка опять валялся в темноте, уткнувшись в телефон.

Лу Цунбай лишь мазнул взглядом по двери и молча прошел мимо.

В ванной всё еще стоял аромат молочного геля для душа — дело рук Янь Шаня.

Тот вечно капризничал по мелочам, заявляя, что раз уж не может позволить себе настоящие молочные ванны, то хотя бы гель должен быть соответствующим. Мол, это подчеркивает его благородство и помогает сохранять кожу белой.

... В каком-то смысле уход приносил плоды.

Лу Цунбай снова невольно вспомнил ту бледную кожу — белизну, которая совершенно не вязалась с дерзким образом соседа. Будто оскалившаяся лиса случайно подставила под взгляд свое мягкое брюшко.

Странное желание — ущипнуть его — на миг вспыхнуло в мыслях. Янь Шань вечно вел себя слишком шумно, его активность порой невыносимо раздражала. Хотелось хоть немного проучить эту лисицу, заставить её притихнуть и научить правилам.

Но какое ему дело до того, соблюдает Янь Шань правила или нет?

И почему именно Янь Шань?

Лу Цунбай испугался собственных мыслей и яростно затряс головой, прогоняя наваждение.

Кое-как закончив мыться, он вернулся в комнату и рухнул в постель, мгновенно провалившись в сон.

«Наверное, просто день выдался тяжелым. И этот обморок из-за сахара... Сплошные неприятности».

Лу Цунбай видел сны. Ему снилось, что к нему прибежала поиграть лисица — ловкая, грациозная и на редкость дружелюбная.

Он гнался за ней по школьному стадиону, пока она не остановилась и не перевернулась на спину, подставляя под его руки пушистое белое брюшко.

В моменты нежности лиса была само очарование.

На душе у него стало непривычно тепло, и он невольно улыбнулся во сне.

Лу Цунбай самозабвенно гладил лисицу, как вдруг та вскинула голову. Она уставилась на него

чистыми глазами, а из пасти зазвучала человеческая речь:

— Лу Цунбай, тебе что, нравятся мальчики?

Морда лисицы внезапно превратилась в лицо Янь Шаня. Тот округлил глаза, глядя на него с полным недоумением.

Лу Цунбай вздрогнул и в панике отпрянул, замахав руками:

— Вовсе нет!

— Тогда зачем ты гладишь мой живот?! — возмутился Янь Шань тем самым тоном, которым обычно затевал ссоры.

Лу Цунбай и сам не знал ответа. Сердце колотилось в панике. Не выдержав взгляда «лиса» Янь Шаня, он развернулся и бросился наутек.

А лисица с лицом соседа всё вопила ему вдогонку:

— Ты мне никогда не понравишься! Я к тебе со всей душой, а ты только и делаешь, что лаешься со мной!

... Потом начались кошмары. Лу Цунбаю снилось, что он заперт в темной комнате, голодный и напуганный, кричит во всё горло, но никто не приходит на помощь.

Когда он наконец открыл глаза, в комнате уже всюду играл рассвет. Будильник он благополучно проспал.

Лу Цунбай в прострации уставился в потолок.

Спустя долгое время он неуверенно прошептал:

—... Что за чушь привидилась.

Он непроизвольно прокручивал в голове ночные видения. Кошмар почти стерся из памяти, но вот лицо Янь Шаня отпечаталось в сознании с пугающей четкостью.

И во сне, и наяву — везде Янь Шань.

Лу Цунбай впервые в жизни не понимал, что творится в его собственной голове.

Через неделю после окончания спартакиады начались промежуточные экзамены у десятых классов.

Янь Шань, как староста, зашел в учительскую и забрал со стола Су Му общую ведомость с результатами.

Едва взглянув в список, он почувствовал горький укол разочарования.

— Ну как же так, я так сильно скатился...

Двадцать второе место. После его триумфального второго места при распределении по классам это был настоящий провал.

В Нулевом классе верхушка всегда оставалась неизменной — одни и те же лица на первых пяти строчках. Тот факт, что он не смог удержаться на их уровне, означал лишь одно: он всё еще недостаточно старается.

Сжимая в руках ведомость, он в подавленном настроении вернулся в кабинет.

В классе было пусто, только Лу Цунбай сидел на своем месте с книгой в руках.

Урок физкультуры еще не закончился. Один — с больной ногой, другой — после недавнего голодного обморока; оба еще были слабоваты. Товарищи по несчастью вместе освободились от занятий и остались на самоподготовку.

Янь Шань, опираясь на костыль, прохромал к доске и протянул Лу Цунбаю листок:

— Результаты пришли, хочешь глянуть?... А что это за книга?

Он мельком глянул на обложку и так и застыл от изумления.

«Секреты высокопродуктивного общения: как развить эмоциональный интеллект».

Янь Шань: «... Солнце что, сразу со всех четырех сторон взошло?»

Лу Цунбай с сухим щелчком захлопнул книгу и прижал её к столу, пряча от чужих глаз. Забирая ведомость, он буркнул:

— Тебе-то какая печаль?

— Вот этот ответ как раз и выдает твой низкий EQ. Высокий интеллект начинается с того, чтобы вежливее разговаривать с людьми, уяснил?

Янь Шань похлопал его по плечу. Лу Цунбай проигнорировал выпад и уткнулся в список имен.

Сам он снова показал стабильный результат. Математика — его конек, сто сорок семь баллов, лучший в параллели. С китайским похуже — средние сто двадцать восемь, далеко не выдающийся показатель.

Но по сумме баллов он всё равно оставался первым. Лу Цунбай незаметно выдохнул: значит, его подработки репетитором не мешают учебе.

Он машинально взял карандаш и напротив своего имени, стоящего во главе списка, едва заметно приписал: «Ас».

Янь Шань вытянул шею и, увидев надпись, принялся читать по буквам:

—... А-Цэ.

Лу Цунбай нахмурился:

— Что?

«Оказывается, даже у вечных отличников есть капелька тщеславия». Янь Шань усмехнулся и не стал заострять внимание:

— Да так, ничего. Ты и впрямь хорош, всегда на вершине.

— Никто не бывает лучшим вечно, и никто не рождается на вершине мира. Всё, что у нас есть — это бесконечная работа над собой.

Лу Цунбай пробежался глазами по первым строчкам и не нашел соседа. Лишь спустившись ниже второго десятка, он наткнулся на Янь Шаня.

— Янь Шань, — удивленно произнес он, — ты сдал позиции.

Тот недовольно надулся:

— Ну ты же сам сказал: никто не бывает лучшим вечно.

Лу Цунбай внимательно изучил его оценки по каждому предмету и, немного подумав, сказал:

— Смотри: там, где нужна голая память, у тебя блестящие результаты. Но физика или задачи со звездочкой по математике, где нужно мыслить гибко — тут провал. Ты слишком полагаешься на свою фотографическую память.

— Учеба — это и есть работа памяти. Раз у меня такой дар, почему я не должен им пользоваться? Думаешь, я выезжаю на одних способностях? — Янь Шань упрямо скрестил руки на груди.

Он явно обиделся. Лу Цунбай придвинулся чуть ближе и заговорил мягче, сбавив тон:

— Нет, я не это имел в виду. Просто мне кажется, что ты не раскрываешь свой потенциал на полную, ведь ты тратишь уйму времени на рисование. Но ты способен на большее. Ты ведь тоже хочешь быть первым, разве нет?

Янь Шань вскинул голову и пристально посмотрел на соседа. Лу Цунбай смотрел спокойно и искренне.

—... С чего ты взял? Я никогда не говорил, что хочу быть лучшим во всём, — Янь Шань усмехнулся и, закинув руки за голову, расслабленно откинулся на спинку стула.

Лу Цунбай промолчал, не желая спорить, и снова перевел взгляд на ведомость:

— С китайским у тебя и так всё отлично, можешь освободить время для физики. Если возникнут сложности с задачами — обращайся.

В разборе физических задач Лу Цунбай чувствовал себя как рыба в воде. Янь Шань на мгновение заколебался. Его зацепило это предложение, но их отношения всё еще нельзя было назвать близкими. Было как-то неловко просто так пользоваться чужими мозгами.

— Можешь ведь и с другими ребятами обсуждать, — заметил он.

— Нет, — отрезал Лу Цунбай. — Мне нужен партнер с соразмерным уровнем интеллекта.

Типичный склад ума отличника — Лу Цунбай не признавал компромиссов. У Янь Шаня было потрясающее воображение и феноменальная память; работая с таким человеком, он и сам мог вырасти.

Первому номеру всегда трудно найти подходящую систему координат.

— Знаешь, — добавил Лу Цунбай, — если бы не твоя страсть к рисованию, возможно, именно ты был бы «Асом».

Янь Шань не чувствовал никакого сожаления:

— Мои способности при мне, и неважно, на что я их трачу. Я иду туда, где горит мое сердце.

Они еще какое-то время перебрасывались фразами, пока не прозвенел звонок. Одноклассники, разгоряченные после физкультуры, шумной толпой ввалились в кабинет.

Ведомость мгновенно выхватили из рук Янь Шаня. Вокруг первой парты образовалось плотное кольцо — все хотели знать свои места.

Вэнь Чжаочжао с олимпийкой, повязанной на поясе, и пачкой тетрадей в руках подошла к своему столу. Увидев, что Янь Шань преспокойно сидит на её месте, буквально притершись плечом к Лу Цунбаю, она на миг лишилась дара речи.

Янь Шань поспешно вскочил:

— Ой, прости, я тут засиделся, мы физику обсуждали.

— Ничего страшного, староста, — отозвалась Вэнь Чжаочжао. — У тебя нога болит, сиди. Мне всё равно нужно отойти.

Оставив тетради, она направилась к задней двери, напевая какой-то популярный мотивчик. Вид у неё был на редкость довольный.

Янь Шань и Лу Цунбай с любопытством проводили её взглядом. Стоило ей выйти в коридор, как из дверей соседнего класса навстречу вынырнул Юань Пэй. Застенчиво улыбаясь и потирая затылок, он принялся о чем-то с ней договариваться.

Лу Цунбай вздохнул:

— Вырос сынок, в чужое гнездо заглядывается.

Янь Шань, наострив уши, прислушался к обрывкам их разговора и вдруг, словно его осенило, звонко хлопнул себя по ладони:

— Точно! Четвертого числа же у Пэй-пэя день рождения!

Если бы Юань Пэй только что не позвал Вэнь Чжаочжао к себе домой на барбекю, Янь Шань совсем забыл бы об этой дате.

Они с Пэй-пэем каждый год обменивались подарками. Как и положено лучшим друзьям детства, дарили они обычно всякую несусветную чушь, лишь бы довести другого до белого каления.

Например, один раз Юань Пэй вручил ему наградной вымпел с надписью «Красавец с душой девицы», на что Янь Шань ответил парой ярко-красных резиновых шлепанцев за шесть юаней.

В те дни Юань Пэю пришлось выйти в них за посылкой, потому что другой обуви под рукой не оказалось. Среди бабулек и тетушек в Цяоди он выглядел настоящей иконой стиля.

Словом, битва подарков между ними всегда была делом нешуточным.

Но в этом году Янь Шань решил обойтись без провокаций. Им обоим исполнялось по шестнадцать — возраст серьезный, почти взрослый. Пора бы уже и честь знать.

Пока Янь Шань предавался раздумьям, Лу Цунбай вдруг негромко произнес:

— Кажется, у меня день рождения третьего. Точно не помню.

Янь Шань поднял голову:

— У вас разница всего в один день?

— Не знаю. В домовый книге так записано, но, может, родители регистрировали по лунному календарю, кто их разберет. Впрочем, какая разница. Я всё равно не праздную.

Лу Цунбай безразлично пожал плечами и спросил:

— Что нравится Юань Пэю?

Янь Шань тут же насторожился:

— Тебе зачем?

— Да так, — ответил Лу Цунбай. — Хочу подарить ему что-нибудь. Когда я пришел в эту школу,

он первым со мной заговорил. И много в чем помог.

«А он умеет ценить добро», — подумал Янь Шань и не стал вредничать.

— Пэй-пэй у нас парень избалованный, — сказал он. — Мечтает о всяких гаджетах, которые нам не по карману. Так что не мудри, купи какую-нибудь забавную безделушку, и хватит с него.

Лу Цунбай покачал головой:

— Нельзя так. К подарку для друга нельзя относиться спустя рукава.

«Ишь какой принципиальный».

Янь Шань боялся, что сосед потратит лишнее, но, понимая, что того не переубедить, дал пару дельных советов.

Лу Цунбай, прячась от камер, вытащил телефон и принялся под партой искать что-то в интернет-магазине. Янь Шань склонился над его плечом, помогая с выбором.

Они сидели так близко, что соприкасались головами, а между ушами не пролез бы и палец.

Наблюдая за поиском, Янь Шань вдруг вспомнил:

— Ты сказал, твой день рождения на день раньше, чем у Пэй-пэя?

Лу Цунбай, не отрываясь от экрана, выдал небрежное «угу»:

— В тот день у меня занятия с учеником. Мне не до праздников.

Янь Шань молча кивнул, сделав в уме пометку.

Не то чтобы у него были какие-то особые мотивы, просто Лу Цунбай теперь его жилец, да и за одной партией они успели посидеть, и позориться перед всей школой на линейке им довелось вместе. Можно сказать, соратники.

А соратникам полагается протягивать руку дружбы. Янь Шань решил, что первый шаг должен быть за ним. Пора бы уже наладить отношения по-настоящему.

Для Юань Пэя Янь Шань приготовил на редкость приличный подарочный бокс.

Коробку он купил в лавке за тридцать два юаня, наполнил её бумажной стружкой и декоративной соломой, а сверху разложил дары.

Там были наушники, два коллекционных издания английской классики, запонки и брошь в виде оленьих голов, а также перьевая ручка, сделанная на заказ.

Юань Пэй обожал писать чернилами — не из любви к старине, а просто чтобы пустить пыль в глаза. Запонки же и брошь были заделом на будущее, для церемонии совершеннолетия через два года, когда придется надевать строгий костюм.

Свои сокровенные чувства Янь Шань спрятал между страниц книг, решив выразить привязанность тайно, чтобы не смущать друга.

Для школьника такой набор был весьма недешевым, но Янь Шань был арендодателем и мог себе это позволить.

Закончив с подарком для Юань Пэя, он принялся за подношение Лу Цунбаю.

Тут он решил не мелочиться и подготовил точно такую же коробку, вот только содержимое разительно отличалось.

Зная, что этот суровый парень обожает сладкое (причем патологически сладкое), но при этом экономит на каждом шагу, доводя себя до обмороков, Янь Шань решил ударить по калориям.

В коробку отправились две большие упаковки «Ферреро Роше», пакет сливочных ирисок, кокосовые конфеты, пара пачек жареных мини-колбасок в медовой глазури, четыре коробочки персикового сока и несколько пакетов с ореховым ассорти.

Ему даже пришлось выгрести из коробки почти всю солому, чтобы впихнуть побольше снеков. Он боялся, что Лу Цунбай снова останется голодным. В конце концов, крышку пришлось придавливать с силой, чтобы она вообще закрылась.

Подумав, что и этого мало, он позвонил в кондитерскую и заказал торт «Красный бархат».

«Надеюсь, ему понравится».